

Саводник Владимир Федорович

**Краткий курс истории русской словесности.
С древнейших времен до конца XVIII века**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37-053.2
ББК 74.27я7
В57

В57 **Владимир Федорович С.**
Краткий курс истории русской словесности. С древнейших времен до конца XVIII века / Саводник Владимир Федорович –
М.: Книга по Требованию, 2025. – 496 с.

ISBN 978-5-519-84389-8

ISBN 978-5-519-84389-8

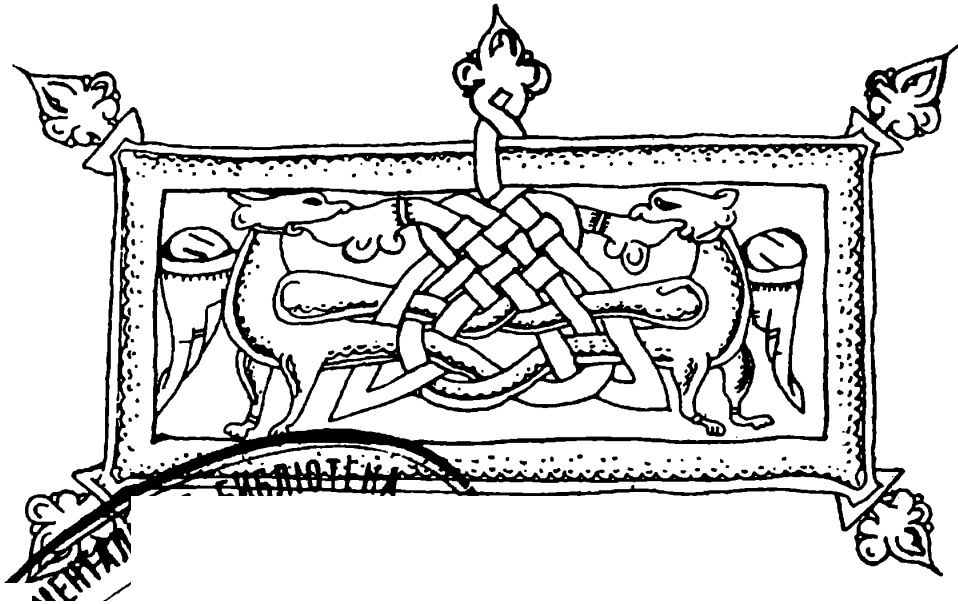
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Вставка изъ ~~дѣла~~ церковнаго 1398.

ВВЕДЕНИЕ.

~~АНКЕ~~

~~Общая~~ понятія о языкѣ и народной поэзи.

Все богатство современной человѣческой культуры создано тяжелымъ и медленнымъ трудомъ многихъ тысячъ поколѣній. Между этою современной культурой и скудною жизнью первобытнаго человѣка, беспомощнаго передъ природой, почти безсловеснаго, едва только познакомившагося съ огнемъ, одеждой, жилищемъ и оружіемъ, лежитъ цѣлая пропасть. Въ неустанной борьбѣ за существованіе изощрялись богатыя духовныя способности человѣка, накопились открытія и изобрѣтенія, росъ *культурный опытъ*, который закрѣплялся и передавался слѣдующимъ поколѣніямъ *посредствомъ слова, языка*.

Культура и
языкъ.

На языкѣ виждется весь духовный и матеріальный прогрессъ человѣчества. Развитой, приспособленный ко всѣмъ оттѣнкамъ мысли и чувства и для всѣхъ потребностей жизни языкъ—одно изъ наиболѣе существенныхъ отличій человѣка отъ міра животныхъ, величайшее его благо. Слово—наиболѣе совершенный способъ передачи мысли и чувства, лучшее средство *общенія* людей; жесты и мимика—только дополненіе къ нему. Оно закрѣпляетъ всякій культурный опытъ, *знаніе*, и дѣлаетъ его доступнымъ для другихъ—современниковъ или послѣдующихъ поколѣній. Благодаря языку мы въ короткое время проходимъ тѣ ступени развитія, которыя въ жизни человѣчества измѣряются тысячелѣтіями.

Значеніе
языка.

Языкъ не только средство для выраженія и передачи мысли, но также и органъ, *образующій мысль*, могущественно содѣйствующій *мысленію*. Какъ главный органъ внутренней жизни, какъ постоянно развивающаяся дѣятельность, языкъ тѣсно связанъ съ умственнымъ развитіемъ людей и народовъ, всего лучше ихъ характеризуетъ. Въ немъ всего легче уловить особенности ихъ умственного и нравственного склада. Не даромъ у насъ отождествлялись въ старину понятія «языкъ» и «народъ».

Какъ живые организмы, языки зарождаются, растутъ, измѣняются, умираютъ. Въ каждомъ изъ нихъ, наряду съ новыми элементами, сохраняются и старые, восходящіе иногда къ такой глубокой древности, до которой не доходятъ наши историческія свѣдѣнія. Очень часто они даютъ драгоценные матеріалы для характеристики доисторической жизни человѣчества. Сходныя слова въ разныхъ языкахъ даютъ возможность, напр., установить доисторическое сродство разныхъ народовъ; значеніе отдѣльныхъ корней вскрываетъ картины доисторическаго быта, приемы древняго мышленія и пр.; такъ назыв. «мертвые языки» даютъ возможность воскресить давно уже угасшую культуру (напр., египетскую, ассиро-вавилонскую).

Ростъ языка. Постепенное развитіе языка, которое идетъ обр-руку съ общимъ прогрессомъ человѣчества, увеличиваетъ его значеніе въ человѣческой жизни. Языкъ дикарей скуденъ и бѣденъ словами: мысль возвращается въ ограниченномъ кругу ограниченныхъ жизненныхъ потребностей и обслуживается, приблизительно, запасомъ въ нѣсколько сотъ словъ. Недостатокъ словъ въ значительной мѣрѣ восполняется мимикой и жестами.—Напротивъ того, языки современныхъ культурныхъ народовъ, обогащенные тысячелѣтнимъ опытомъ, имѣютъ громадное количество словъ (китайскій, напр., отъ 40 до 50 тысячъ, англійскій—до 100 тысячъ). Эти слова постепенно, вѣками, возникали изъ относительно небольшого количества корней (въ китайскомъ—450, въ англійскомъ—460).

Классификація языковъ: Всѣ существующіе языки различаются или по способу образованія формъ (*морфологическая классификація*), или по своему происхожденію и родству (*генеалогическая классификація*).

а) морфологическая; Слова первобытныхъ языковъ соотвѣтствовали *корнямъ* нашихъ современныхъ словъ, не знали еще формъ склоненія и спряженія. Разныя отношенія между предметами и явленіями указывались разнымъ порядкомъ словъ-корней, удареніями и пр. *Нѣкоторые* изъ первобытныхъ языковъ, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, выработали изъ словъ-корней, всегда неизмѣнныхъ и односложныхъ, другіе, новые способы выраженія мыслей—*агглютинацію* и *флективность*. Агглютинація („скле-

ваніе“) выражается въ томъ, что слова, постоянно становившіяся рядомъ для выраженія какого-нибудь понятія, какъ бы срастались, „склеивались“, соединялись въ новое слово, не теряя своей способности употребляться и отдѣльно. Части агглютинативныхъ словъ, въ силу привычки, постояннаго употребленія, постепенно получали только *формальное* значеніе, переставали сознаваться, какъ отдѣльные слова, и дѣлались только выраженіями отношеній, подвергаясь всевозможнымъ звуковымъ переменамъ. Такъ получились суффиксы, приставки, флексии. Въ современныхъ европейскихъ языкахъ, напр., русскомъ, можно указать рядъ такихъ формъ, которыя явились вслѣдствіе агглютинаціи, теперь уже нами не признаваемой: напр.: *ин* въ словахъ *гражданинъ*, *мущининъ*...=одинъ (этимъ объясняется исчезновеніе суффикса *ин* во множ. числѣ); добрый—добръ+и (мѣстоименіе), добраго—добра+его и пр.

Не всѣ языки изъ корневыхъ, односложныхъ, дѣлались—черезъ агглютинацію—позднѣе флексивными: нѣкоторые изъ нихъ, несмотря на многовѣковое развитіе, такъ и остались корневыми (напр., китайскій), агглютинативными (напр., турецкій, языки американскихъ дикарей) или выработали нѣчто среднее между агглютинативностью и флексивностью (семитическіе языки), что не мѣшаетъ имъ, подобно флексивнымъ языкамъ (русскому, нѣмецкому, латинскому...), прекрасно выражать всю сложность мыслей и чувствъ человеческой души.

Наряду съ морфологической классификаціей существуетъ и *генеалогическая классификація языковъ*, по происхожденію, родству ихъ другъ съ другомъ. Русский языкъ, вмѣстѣ съ другими славянскими, принадлежитъ къ *индо-европейской семьѣ языковъ*, развившейся изъ общаго праязыка (вѣтви индійская, иранская, армянская, албанская, греческая, италійская, отъ которой пошли современные романскіе языки, кельтская, германская, литовская, славянская).

б) генетическая.

Говорящіе этими языками народы когда-то представляли одно племя и жили въ одномъ мѣстѣ (по мнѣнію однихъ ученыхъ—около Гималаевъ, по мнѣнію другихъ—около Карпатъ). Изъ этого племени постепенно выдѣлились отдѣльныя народности, которыя разошлись въ разныхъ мѣстахъ, попали въ разныя условія климатическія и географическія и стали все болѣе и болѣе обособляться. Тѣ изъ нихъ, которыя выдѣлились позднѣе и дольше жили общей жизнью, сохранили болѣе сходства въ языкѣ и вѣрованіяхъ (напр., греки и италійцы, литовцы и славяне). Въ свою очередь и праславянское племя съ теченіемъ времени расселилось и образовало отдѣльныя вѣтви: западную (поляки, чехи), южную (болгары, сербы) и сѣверо-восточную (русскіе: великороссы, малороссы и бѣлоруссы), при чемъ двѣ послѣднія вѣтви по языку другъ къ другу ближе.

Одно изъ наиболѣе характерныхъ отличій первобытныхъ языковъ составляетъ особая присущая имъ изобразительность, *живописность*, которая постепенно исчезаетъ, стирается при дальнѣйшемъ ихъ развитіи. Въ современныхъ культурныхъ языкахъ слова являются только условными знаками для выраженія понятій, въ перво-

Образность первобытнаго языка.

бытныхъ же языкахъ они сами по себѣ были живыми образами, служили для выраженія конкретныхъ представленій.

Въ первобытной рѣчи было мало словъ. Лишь знакомясь постепенно съ міромъ, вырабатывая все новыя и новыя понятія, дикарь раздвигалъ тѣсныя рамки первоначальной рѣчи, создавалъ новыя слова изъ старыхъ, называлъ новые предметы и явленія прежнимъ словомъ по первому бросившемуся въ глаза сходному или яркому признаку, иногда случайному (напр., «корова», по своему корневому происхожденію, значитъ «рогатая», «мышь»—«воровка», «лебедь»—«бѣлая»). Дальнѣйшія наблюденія накапливали признаки, часто гораздо болѣе существенные, чѣмъ признакъ, который первый бросился въ глаза и по которому предметы получили названіе; эти признаки объединялись, *сгущались* около слова, закрѣплялись имъ, поддерживая *слабавшееся* понятіе. Первый признакъ отодвигался за «порогъ сознанія», забывался; слово все болѣе дѣлалось *знакомъ* понятія, получало *условный, символическій* характеръ, что создавало *экономію мысли*, которая раньше слишкомъ растрачивалась на *раздѣльное сознаніе* частей слова, перваго признака и пр. Символичность рѣчи двинула впередъ развитіе человѣческой мысли, упростивъ ее технику, сдѣлавъ ее болѣе гибкой и подвижной.

Теперь мы усваиваемъ постепенно, съ дѣтства, рѣчь отъ старшихъ поколѣній и, въ силу привычки, пользуемся словами, какъ условными знаками для выраженія мысли, хотя *сами по себѣ* въ громадномъ большинствѣ случаевъ они ничего не говорятъ нашему сознанію и воображенію. Мы не сознаемъ, напр., что *по корневому своему происхожденію* „столъ“ одного корня со словомъ „стлать“, „душа“—одного корня съ „дышать“ и „дуть“, что „подушка“ происходитъ отъ словъ „подъ“ и „ухо“ и пр. *Безсознательное* отношеніе къ корнямъ и происхожденію словъ настолько въ насъ велико, что мы, не обинуясь, говоримъ: „красныя чернила“, „тупо острить“, „стальное перо“, „паровая конка“, „безрогая корова“, „черный лебедь“ и т. д. Въ нашей рѣчи много *окаменѣлыхъ* словъ и оборотовъ, о происхожденіи и смыслѣ которыхъ мы обыкновенно не задумываемся; напр.: „перочинный ножъ“, „красная строка“, „подноготная“, „Коломенская верста“ и др. ¹⁾.

¹⁾ „Перочинный ножъ“—первоначально, ножъ для очинки гусиныхъ перьевъ, которыми писали въ старину; „красная строка“: въ старинныхъ рукописяхъ начальнымъ буквамъ отдѣльныхъ главъ, а иногда и цѣлыя строки, писались кияноварью (красной краской): отсюда и произошло наше современное выраженіе, которое мы употребляемъ, совершенно забывъ о его первоначальномъ значеніи; „подноготная“, „узнать всю подноготную“,—выраженіе, восходящее къ эпохѣ примѣненія пытокъ въ судопроизводствѣ, когда для того, чтобы вынудить у обвиняемаго признаніе, ему загоняли подъ ногти раскаленные гвозди или шипы; „Коломенская верста“: верстовые столбы для опредѣленія разстоянія были впервые введены на Руси при царѣ Алексѣѣ Михай-

Конкретность и изобразительность первобытного языка коренится въ особенностяхъ всего первобытнаго міросозерцанія. Отличительной чертой его было *одухотвореніе всей природы*, представленіе каждаго ея явленія въ живомъ, наглядномъ образѣ. Такое первобытное одухотвореніе природы называется *анимизмомъ* (отъ латинскаго *animus*—душа).

Языкъ и міросозерцаніе первобытныхъ народовъ.

Стремясь уразумѣть окружающую его жизнь, человѣкъ переносилъ на внѣшній міръ все то, что онъ замѣчалъ въ себѣ самомъ, что было ему знакомо по собственному внутреннему опыту. Вся природа казалась ему *одушевленный*, вездѣ онъ видѣлъ присутствіе живыхъ существъ, которыхъ онъ воображалъ по собственному образу и подобию, надѣляя ихъ такими же способностями мысли, чувства и воли, какія онъ сознавалъ въ себѣ самомъ. Замѣчая въ себѣ различныя проявленія воли и силы, выражающіяся въ дѣйствіяхъ, въ движеніяхъ, человѣкъ повсюду, гдѣ видѣлъ движеніе, подозрѣвалъ присутствіе такой же движущей силы, присутствіе живой воли, энергій: молнія казалась ему стрѣлою, пущенной какимъ-то небеснымъ стрѣлкомъ; солнце представлялось огненнымъ глазомъ и вызывало цѣлый рядъ чисто человѣческихъ уподобленій: оно глядитъ на землю, все видитъ, всюду проникаетъ; оно милостиво или грозно, благодѣлаетъ или губитъ. Вѣтеръ и огонь, текущая вода, небесныя свѣтила—все казалось первобытному человѣку живымъ и одушевленнымъ, а сознаніе своей слабости и зависимости отъ природы приводило его къ преклоненію передъ ея таинственными силами. Точно такъ же и въ животныхъ первобытный человѣкъ видѣлъ чело-
вѣкоподобныя существа, нерѣдко гораздо болѣе сильныя и ловкія, чѣмъ онъ самъ; отсюда—культъ животныхъ, вѣра въ происхожденіе отдѣльныхъ людей и племенъ отъ животныхъ, а также представленіе боговъ въ животномъ образѣ (*зооморфизмъ*). Представленіе же боговъ и духовъ въ человѣческомъ образѣ называется *антропоморфизмомъ* ¹⁾.

Первобытное міросозерцаніе, представлявшее всю природу въ живыхъ, одушевленныхъ образахъ, нашло себѣ яркое отраженіе въ языкѣ. Именно на почвѣ этого первобытнаго анимизма возникли тѣ многочисленныя *метафоры*, при помощи которыхъ на явленія внѣшняго міра переносились дѣйствія и состоянія, свойственныя чело-

Метафоричность первобытнаго языка.

ловичѣ, приказавшемъ поставить ихъ на дорогѣ отъ Москвы до села Коломенскаго, своего любимаго лѣтняго мѣстопробыванія: это нововведеніе, очевидно, такъ поразило современниковъ, что вызвало появленіе поговорки, сохранившейся и до настоящаго времени.

¹⁾ Отъ греческихъ словъ: *ántrōpos*—человѣкъ, и *morfé*—образъ, видъ.

вѣку. Притомъ для первобытнаго сознанія эти метафоры имѣли не условное, а вполне реальное значеніе, такъ какъ выражали собой дѣйствительное вѣрованіе въ одухотворенность природы.

Языкъ и
мием.

Нѣкоторыя метафорическія сближенія, сопоставленія человѣка и природы (напр., солнца, огня, грозы и др.), вслѣдствіе богатства своего внутренняго содержанія и значенія для человѣческой жизни, открывали широкія перспективы. Такъ въ отдѣльныхъ случаяхъ создавались сложные и цѣльные образы, которые мы называемъ *миеами*. При помощи этихъ миеовъ первобытный человѣкъ пытался объяснить себѣ всѣ явленія природы. Съ миеами тѣсно связаны *обряды*, которые, дѣлаясь все болѣе и болѣе традиціонными, постепенно складывались въ правильный религіозный *культъ*.

Въ миеѣ и культѣ выражалось религіозное сознаніе первобытнаго человѣка. Главнымъ объектомъ ихъ были силы природы, представлявшіяся въ зооморфическихъ и антропоморфическихъ образахъ. Отдѣливъ путемъ наблюденій въ самомъ себѣ дѣйствующую внутреннюю силу, *душу*, человѣкъ перенесъ это и на природу, сталъ поклоняться *духамъ*, наполнявшимъ природу. Поклонялся онъ и душамъ предковъ, хранителямъ его домашняго очага (*культъ предковъ*). Ими онъ населялъ также особое царство мертвыхъ—подъ землей, на небѣ или гдѣ-нибудь за моремъ, на островахъ. Культъ природы, болѣе ранній, и культъ предковъ, сложившійся на почвѣ *болѣе позднихъ* семейныхъ и родовыхъ отношеній, впослѣдствіи все болѣе сближаются и смѣшиваются. Такъ образовалась, напр., религія древнихъ грековъ. Въ народномъ сознаніи миеотворчество оставило глубокіе слѣды: миеологическій складъ мысли всегда силенъ, пока не развилось ясное научное сознаніе; онъ проявляется и на христіанской почвѣ и приводитъ къ смѣшенію ячества съ христіанствомъ, къ *двоевѣрію*.

Ослабленіе
первобытной
образности.

Съ теченіемъ времени, подѣ влияніемъ коренныхъ измѣненій во взглядахъ и вѣрованіяхъ людей, многочисленныя метафоры, въ которыхъ отражалось древнее анимистическое міросозерцаніе, постепенно теряли свою первоначальную изобразительность, получали чисто условный характеръ (мы, напр., уже не чувствуемъ изобразительности такихъ выраженій, какъ «дождь *идетъ*», «солнце *сидится*, *встаетъ*»). Но зато взамѣнъ умершихъ словъ-метафоръ, сдѣлавшихся условными знаками, создаются новыя, которыхъ постигаетъ та же участь (ихъ много, напр., въ нашихъ областныхъ нарѣчіяхъ: «шары», «глядѣлки» — глаза, «гребъ» — весло, «шагать» — идти, «купилки» — деньги). Съ другой стороны, *мертвое* слово, ставшее лишь условнымъ знакомъ для обозначенія какой-либо вещи или качества, оживаетъ *въ оборотъ*, въ соединеніи словъ («домъ» — и «чувствовать себя, какъ дома», «каменный» — и «каменное сердце»).

Такъ совершается круговоротъ умирающей и воскресающей въ словахъ изобразительности.

Въ языкѣ, такимъ образомъ, борются двѣ силы: *первоначальной изобразительности* и *обобщенія, отвлеченія*. Обѣ онѣ удовлетворяютъ двумъ основнымъ потребностямъ нашего духа: потребности создавать *художественные образы* и стремленію къ наиболѣе точному и простому выраженію *понятій*. Чѣмъ болѣе поздній періодъ развитія языка мы возьмемъ, тѣмъ меньше въ немъ *непосредственной изобразительности слова*, тѣмъ больше въ немъ *изобразительность создается не отдѣльными словами, а изъ сочетаніемъ*.

Первобытная и вообще древняя рѣчь была *сама по себѣ* образнѣе нашей современной ¹⁾, изобразительность давалась ей, такъ сказать, даромъ, теперь же она является результатомъ *личнаго творчества, вдохновенія*, легко распадается отъ повтореній и привычности, требуетъ *постояннаго обновленія*. Яркая и смѣлая *метафоричность* вмѣстѣ съ *живымъ* значеніемъ словъ придавала древнимъ языкамъ и древней поэзіи своеобразную изобразительную красоту.

Мы мыслимъ двояко: образами или понятіями, пользуемся средствами *поэзіи* или *прозы*. Слово-понятіе медленно выросло изъ слова-образа, разрушая древнюю изобразительность. Первоначально то, что мы теперь называемъ поэзіей, сосредоточивалось въ *словѣ*; образное слово выражало всю духовную жизнь первобытнаго человека, его вѣрованія и знанія, чувство и мысль. Тогда поэзія не представляла еще изъ себя обособленной области; выдѣлилась она постепенно, развиваясь сама и опираясь на развитіе языка.

Языкъ и поэзія.

Зарожденіе поэзіи относится къ начальнымъ моментамъ *человѣческой культуры*. Первичная форма ея была *пѣсня*.

Происхожденіе первобыт. поэзии.

Пѣсня сопровождала всѣ моменты жизни дикаря, печальные и веселые, праздничные и будничные. Она была органически связана съ музыкой, танцами, мимическими движеніями. Вначалѣ она сводилась къ отдѣльнымъ возгласамъ, выражавшимъ то или иное чувство, кликамъ радостнымъ или печальнымъ по тону, которые медленнымъ, затяжнымъ процессомъ развились постепенно въ правильную мелодію и послѣдовательный поэтический текстъ. Въ этой первоначальной пѣснѣ-кликѣ сказалось вложенное природой въ чело-

¹⁾ Напр.: „Отцы *нажились жизни*“—умерли, все наживши; „зарыть въ землю топоръ“—заключить миръ; „вы говорили губами, а не сердцемъ“—вы хотѣли меня обмануть; „вы мнѣ закрыли уши“—вы мнѣ сообщили секретъ. Таковы же древне-русскіе обороты: „взять на щитъ“—завоевать, взять приступомъ, въ „Словѣ о полку Игоревѣ“—„выронилъ жемчужную душу черезъ золотое ожерелье“, „выронилъ золотое слово, смѣшанное со слезами“ и пр.

вѣка стремленіе къ ритму ¹⁾, который составляет главную формальную особенность поэзіи вообще, первобытной въ особенности.

Ритмъ и его
значеніе.

Ритмъ вообще присущъ природѣ человѣка. Всякое привычное, не требующее работы сознанія и воли движеніе дѣлается автоматическимъ, какъ бы произвольнымъ — и *ритмическимъ*. Такія движенія меньше требуютъ затраты мускульной и нервной энергіи, меньше утомляютъ и благодаря этому создаютъ извѣстную экономію силы.

Человѣкъ рано понялъ, на ежедневномъ опытѣ, все благотѣльное значеніе ритма, сталъ все больше и больше пользоваться имъ въ тяжелой борьбѣ за существованіе, примѣняя его, напр., къ различнымъ формамъ работы. Чѣмъ сложнѣе и утомительнѣе работа, тѣмъ больше она требуетъ ритма. Если въ ней принимаетъ участіе много лицъ, ритмъ согласовываетъ, упорядочиваетъ, направляетъ къ одной общей цѣли разнообразныя движенія, которыя безъ ритма мѣшали бы другъ другу. Онъ *организуетъ* общую работу и группу работающихъ, какъ бы поглощая отдѣльныя личности и сознанія, сливая ихъ въ единствѣ движеній и ощущеній, взбадривая, поднимая энергію. Какъ всѣ другія проявленія своей жизни, первобытный человѣкъ сопровождалъ и работу пѣніемъ, и это пѣніе по-неволѣ приспособлялось къ ритму работы, съ которой оно было связано. Такимъ образомъ созданъ одинъ изъ древнѣйшихъ видовъ поэзіи—*ритмическая рабочая пѣсня* (типа нашей „Дубинушки“).

Пѣсня-игра.

Громадное значеніе въ жизни первобытнаго человѣка имѣла *пѣсня-игра*. Какъ и для дѣтей, она была для него существенной потребностью, потому что давала исходъ избытку физической и душевной энергіи. Путешественники единогласно свидѣтельствуютъ о томъ, съ какимъ увлеченіемъ дикари отдаются этимъ играмъ, которыя часто отличаются сложностью и разнообразіемъ. Онѣ всегда сопровождаются импровизированными пѣснями, плясками, музыкальнымъ аккомпаниментомъ. Иногда во время этихъ игръ разыгрываются цѣлыя мимическія сцены, изображающія охоту, войну, различные приключенія и т. д., или связанные съ различными обрядовыми и религиозными дѣйствами.

Хоровое
начало.

Общая работа и игра связывали людей въ одно цѣлое и создавали *хоръ*. Это отразилось на стилѣ и пріемахъ всей первобытной поэзіи. Подобно языку, она слагалась въ безсознательномъ сотрудничествѣ массы, въ которомъ сначала безслѣдно исчезалъ личный починъ. И по формѣ, и по содержанію она первоначально представляла собою безформенное смѣшеніе зачатковъ поэзіи, музыки, тан-

¹⁾ Въ широкомъ смыслѣ слова, ритмъ—всякое правильное, равномерное движеніе, чередованіе черезъ опредѣленные, *одинаковые* промежутки опредѣленныхъ, *одинаковыхъ* движеній, дѣйствій, звуковъ, высокихъ и низкихъ тоновъ и пр. На ритмъ основаны музыка и стихотворные размеры; ритмичны пульсъ и дыханіе у здороваго человѣка, спокойная, привычная ходьба и т. д.

цовальнаго искусства и объединяла въ себѣ всѣ поэтическіе роды и виды—эпосъ, лирику и драму съ ихъ подраздѣленіями. Эта изначальная слитность различныхъ элементовъ, способныхъ къ жизни и дальнѣйшему развитію, все болѣе расходящихся при этомъ развитіи, называется *первобытнымъ синкретизмомъ* ¹⁾).

Ранняя синкретическая пѣсня при хоровомъ исполненіи обыкновенно драматизировалась, представлялась *въ дѣйствіи*, сопровождалась, соотвѣтственно содержанію, мимическими движеніями: если пѣли, напр., объ охотѣ, то подражали движеніямъ и дѣйствіямъ охотниковъ. Между хоромъ и запѣвалой или частями хора завязывался иногда діалогъ; иногда, примѣнительно къ сюжету, рядились: одни изображали охотниковъ, другіе—животныхъ, за которыми охотились. Партія запѣвалы рано стала разрастаться въ цѣлый *этический* рассказъ; въ отвѣтахъ и припѣвахъ хора звучалъ повышенный *лирический* элементъ. Все это соединялось съ музыкой и мимическими танцами, къ которымъ дикари вообще питаютъ исключительную склонность.

Синкретизмъ
первобытной
поэзіи.

Чѣмъ бѣднѣе культура, тѣмъ скуднѣе содержаніе поэзіи; у наименѣе культурныхъ дикарей оно сводится къ наивной, *поочередной*, импровизаціи какой-нибудь фразы, на которую отвѣчаетъ или которую повторяетъ хоръ. Такая пѣсня—обыкновенно родъ речитатива съ хоромъ: запѣвало споетъ стихъ, хоръ подхватываетъ припѣвомъ. Къ подобнымъ пѣснямъ прибавляется часто своеобразная музыка: отбиваютъ тактъ палками, ударами ногъ о доски, битьемъ въ ладоши. Пока одни танцуютъ или мимически изображаютъ какое-либо дѣйствіе, другіе подпѣваютъ пѣсню или ритмически издаютъ крики.

Пѣсня-импро-
визація.

Бѣдное содержаніе такихъ первичныхъ *синкретическихъ*, хоровыхъ и одиночныхъ *импровизацій* то сводится къ безконечному повторенію, подъ однообразную, простую мелодію, одного какого-нибудь восклицанія, то укладывается въ небольшую фразу, подсказанную какимъ-нибудь случайнымъ событіемъ или впечатлѣніемъ, съ такими же неограниченными повтореніями. Подобныя пѣсни исчезаютъ такъ же легко, какъ и возникаютъ. Онѣ воспѣваютъ первый подвернувшійся случай; цѣлая пѣсня можетъ обосноваться на любомъ мелкомъ фактѣ. Нашъ извѣстный писатель В. Г. Короленко, по личнымъ впечатлѣніямъ, такъ изображаетъ пѣніе пьянаго якута: онъ „тянулъ безконечную пѣсню, выводилъ горломъ дикіе, скрипучіе звуки, повторяя на разные лады, что завтра большой праздникъ, а сегодня онъ пьянъ“.

Усложненіе и общее развитіе жизни приводятъ и къ усложненію поэтического текста. Лопарь воспѣваетъ все, что видитъ и слышитъ въ данную минуту, такъ сказать, фотографируетъ всю текущую дѣйствительность, часто во всей ея сложности: пріѣздъ, разговоры путеше-

¹⁾ *Синкретическій*—отъ греческ.: *synkrisis*—смѣшеніе, соединеніе, *synkratos*—тѣсно связанный, смѣшанный.

ственниковъ, чиновниковъ, всё мелочи ихъ поведенія. По словамъ нашего знаменитаго путешественника и этнографа Максимова, фізіономія лопаря-пѣвца при этомъ сіяетъ настоящимъ вдохновеніемъ.

Еще интереснѣе въ этомъ отношеніи слѣдующій примѣръ. Одинъ путешественникъ-европеецъ зашелъ въ хижину къ негритянкѣ, гдѣ сидѣло нѣсколько женщинъ за пряжей. Онѣ сейчасъ же, продолжая работать, сложили про него пѣсню и подобрали напѣвъ: „дули вѣтры и шелъ дождь, бѣдный бѣлый человѣкъ, слабый и усталый, явился и сѣлъ подъ нашимъ деревомъ. Нѣтъ у него матери, чтобы подать ему молоко, нѣтъ жены, которая намолоча бы ему муки“. Другія подхватили: „приголубимъ бѣлаго человѣка: нѣтъ у него матери, чтобы подать ему молоко, нѣтъ жены, которая смолоча бы ему муки“.

Образованіе
пѣсенной тра-
диціи.

Вызванныя тѣмъ или другимъ поводомъ, подобныя пѣсни легко могутъ забываться, когда охладѣетъ интересъ къ ихъ содержанію, но могутъ и продержаться нѣкоторое время въ создавшей ихъ средѣ, запомниться болѣе или менѣе крѣпко: понравившись, онѣ могутъ быть подхвачены для дальнѣйшаго распространенія слушателями.

Усложненіе бытовыхъ отношеній обогащало и усложняло содержаніе пѣсни, создавалось поэтическое преданіе, чередовавшееся со старой наивной импровизаціей. Пѣсня стала переходить отъ поколѣнія къ поколѣнію, отъ одного народа къ другому не только какъ привлекательная *мелодія*, но и какъ самъ по себѣ интересный *текстъ*, иногда даже безъ напѣва.

Этотъ ростъ поэтической традиціи тѣсно связанъ съ разложеніемъ первобытнаго синкретизма. И то, и другое опредѣлялось ростомъ *личности* и ея выдѣленіемъ изъ первобытной однородности. Соединеніе въ однихъ и тѣхъ же лицахъ пѣвцовъ - поэтовъ, музыкантовъ, танцоровъ и актеровъ возможно только на *зачаточныхъ* ступеняхъ. Техника пѣсни тогда была настолько слаба, что каждый могъ пѣть и импровизировать, бить въ барабанъ или аккомпанировать ударами въ ладоши. Но языкъ, музыкальные инструменты, пѣніе совершенствовались; отдѣльныя личности, въ силу прирожденных способностей, стали выдвигаться тогда потому, что дѣлали все это лучше другихъ—и обогащали общій опытъ результатами личнаго таланта.

Хоръ и запѣ-
вало.

Изъ состава хора рано выдѣлился, когда текстъ пѣсни окрѣпъ и развился, *запѣвало* (корифей древнихъ грековъ), который začínалъ и велъ пѣсню. Пѣть всѣмъ сложный текстъ было невозможно или затруднительно. Хоръ лишь отвѣчалъ запѣвалѣ, вторилъ его словамъ или подхватывалъ послѣднюю его фразу въ видѣ припѣва. Чѣмъ болѣе связнымъ и сложнымъ становился текстъ, тѣмъ болѣе росла роль запѣвалы; чѣмъ длиннѣе была пѣсня, тѣмъ меньше могъ повторять